

Эдуард Кочергин и его "испуг".

Не забуду мать родную!

С этих слов начал свою карьеру главный художник БДТ

Эдуард Кочергин

- Эдуард Степанович, помните ли вы свои детские, самые, самые первые рисунки? Что это было - традиционные домики, накаляканные цветными карандашами в подаренном родителями альбоме?

- Нет, это были не домики, а орлы, кресты над могильными холмиками с надписью: "Не забуду мать родную" и все такое прочее, выполненное при помощи игл и туши на человеческом теле...

- Татуировка? Ничего себе!..

- И никаких альбомов мне не дарили, потому что родителей советская власть отняла - ведь на свет я появился в 37-м. Отец меня так и не увидел: его арестовали недели за две до рождения сына, объявили "врагом народа", дали двадцать пять лет. А маму - в 1939-м, как "польскую шпионку"...

- Почему - "польскую"?

- Потому что мама - Бронислава Одынец - польских кровей. Мой прапрадед, Антоний Эдуард Одынец, был бардом и издателем, другом Мицкевича. А деда, по "делу Промпартии", расстрелял Сталин.

У моих родителей получилось интересное сочетание: мама - католичка, отец - из староверов. Поэтому сначала меня крестили в Екатерининском костеле на Невском, а потом родственники отца - тайком, в какой-то деревенской старообрядческой церквишке.

Затем моим воспитанием занялся Лаврентий Павлович Берия: я оказался под Омском, в спецдетприемнике НКВД. Кстати, мое прозвище там было - "тень": так меня окрестили

названы за худобу и прозрачность...

Однажды привели нас на какой-то завод, и там, в конторке, я стибрил пачку цветных карандашей: очень уж привлекло их яркое, красочное сочетание. Для чего предназначены эти красивые палочки, я не знал, и скоро их отобрали.

А в сорок пятом я сбежал из детприемника: хотелось домой, в таинственный Ленинград, "к матке Брониславе". Найти ее и заодно наесться до отвала... Однако дорога домой растянулась на целых шесть лет. Сначала была баржа на Иртыше, потом - поезда, вокзалы, барахолки, опять поезда. Я приобщился к "уголовной цивилизации". Наряду со многим другим обучился я искусству татуировки, причем получалось это очень здорово...

- А маму вы все-таки в конце концов нашли?

- Нашел. Ее выпустили в 1951-м, после лагеря и ссылки.

- Ну а художником-то как стали?

- У меня появился приятель. Боря Михалев, он учился в СХШ, то есть - в Средней художественной школе. Боря все приставал: "Нарисуй вот эту чашку, вот это блюдце..." Вроде получалось. В общем, тоже в СХШ поступил, по "искусству" - сразу в третий класс. Года через четыре мои иллюстрации к Гофману показали Николаю Павловичу Акимову, возглавлявшему театрально-постановочный факультет. Так я оказался на курсе Татьяны Георгиевны Бруни...

А в 1972-м пригласил меня Товстоногов...

- В чем, на ваш взгляд, главное качество именно театрального художника?

- Надо уметь читать пьесу, в какой-то степени быть сорежиссером.

- А как вообще вы находите сценическое решение спектакля?

- Сначала это происходит подсознательно, я называю это "испугом". Вот так, "с испугу", все лучшее и происходит... А вообще-то Товстоногов нередко загадки мне загадывал, очень непростые...

- Например?

- Ну вот работали над "Дачниками", и вдруг он говорит: "Все действующие лица должны быть как бы в подвешенном состоянии, словно рыбы в аквариуме".

Как этого достичь? Наконец осенило. Каждого человека как бы "заземляет" тень. Вспомните наши белые ночи - при абсолютно ровном свете и город становится плоским. Значит, и на сцене нужен такой свет, чтобы не было теней. Тогда артист "повиснет". А поскольку все это происходит на фоне красивой природы (природа-то не виновата, что такие люди), я из двух гардинных сеток сделал "зеленый воздух", и в этом зеленом муаре (листва же тоже муарит) актеры действительно стали "плавать", словно рыбки в аквариуме...

У Эдуарда Кочергина на счету уже более двухсот пятидесяти спектаклей - почти по всему миру. Вот и сейчас опять улетел в Париж, а опустевшую мастерскую оберегают вырезанные им "домовые".

Лев СИДОРОВСКИЙ.
Санкт-Петербург.